



Ж И З Н Ь

архимандрита Никодима Казанцева.

(Продолженіе) ¹⁾.

Мое ученіе въ высшемъ отдѣленіи.

(1824—1826 годовъ).

Здѣсь начало моего ученія было весьма утѣшительное. О. Ректоръ и о. Инспекторъ наперерывъ меня ласкали. Оба восхищались моими и успѣхами, и талантами, и поведеніемъ. Я это видѣлъ ясно.

О. Инспекторъ даже пріучилъ меня ходить по вечерамъ къ себѣ, поилъ чаемъ, ласкалъ, дѣлалъ порученія самыя лестныя, отличалъ меня отъ всѣхъ. Я жилъ—и утѣшался.

По мысли, кажется, Инспектора въ Семинаріи сдѣланы были два Сеніора, которымъ даны права надзора и за самими старшими. Въ верхнемъ этажѣ, для учениковъ Высшаго и Средняго отдѣленій сеніоромъ поставленъ былъ мой товарищъ, первый ученикъ Иванъ Вас. Платоновъ-Холмогоровъ (нынѣ профессоръ въ Харьковскомъ университетѣ), а въ нижнемъ этажѣ—надъ учениками низшаго отдѣленія поставленъ былъ я.

Такія возвеличенія меня возбудили ко мнѣ въ моихъ товарищахъ зависть. Начали на меня клеветать, а именно, будто я клеветникъ и секретный наушникъ у о. Инспектора. Даже такими злыми рѣчами смутили и о. Ректора, столь вѣжно доселѣ меня любившаго. Клевета была очень для

¹⁾ См. Мартъ 1910 г., стр. 404—427.

о. Ректора чувствительная, именно: внушили, будто я, ходя часто къ Инспектору, вмѣстѣ съ нимъ забавляюсь на счетъ о. Ректора, конфузя его уроки и вообще издѣваясь надъ его бѣдными познаніями въ Богословіи. Надобно же было, чтобъ сія клевета была правдоподобна. Удивительно, а точно, о. Ректоръ былъ не богатъ въ Богословіи и, подъ видомъ сочиненія лекцій, списываль уроки Академическаго Ректора Кирилла, уроки впрочемъ слишкомъ незавидные. Инспекторъ точно надъ нимъ подшучиваль, но я—Боже мой!—я не смѣль раскрыть своихъ устъ на моего благодѣтеля, на человѣка, котораго я даже уважалъ и за его познанія Богословскія (ибо я былъ еще дитя), особенно за великое мастерство—преподавать уроки. Помню, что я защищаль его предъ о. Инспекторомъ.

Несмотря на сіе, о. Ректоръ запылаль на меня гнѣвомъ. Я былъ отверженный. Пересталь меня спрашивать и прекратилъ всѣ довѣренности ко мнѣ. Клеветники, достигшіе своей цѣли, сдѣлались дерзѣе. Начали не только гнусными молвами, но и лично оскорблять меня весьма чувствительно.

9-го мая, на день угодника Божія Николая Чудотворца я едва не былъ зарѣзанъ. Это ужасно! Вотъ какъ это было: послѣ обѣда, по обыкновенію, я легъ уснуть. Заснулъ. Слышу дерзко расхлебаснулись двери, бѣжитъ человѣкъ, спрашиваетъ хриплымъ голосомъ: „гдѣ старшой?“ Ему отвѣчаютъ: „Вотъ онъ, но онъ спитъ“. Ученикъ Захарій Горскій (сред. отд.), мой злодѣй, сдернулъ съ меня одѣяло; я вскочилъ. Нечестивецъ пристушилъ ко мнѣ, началъ меня поносить, что я ябедникъ, обижаю невинно добрыхъ людей и проч. Насучаетъ на меня кулаки и, говорятъ (я не видалъ), будто онъ въ это время былъ съ ножомъ. Какъ невинный, я не потерялъ духа, говорю: „Если считаешь себя мною обиженнымъ, есть начальство: жалуйся. Пусть и другіе, кто хочетъ, дѣлають тоже. Я предъ тобою и предъ другими буду оправдываться у начальниковъ“. Слава Богу! въ это же время набѣжало къ намъ въ сѣни много людей. И спасибо имъ: они спасли меня. Одинъ изъ нихъ, именно Иванъ Богословскій (сред. отд.), изловчившись, сзади набѣгомъ на Горскаго и сшибъ его съ ногъ. Тутъ бросились и другіе. Связали его по рукамъ и ногамъ и, какъ колодку, утащили въ свою комнату.

Опасаясь, какъ бы не развязался, или же злые люди не развязали Горскаго, я поставилъ по лѣстницѣ часовыхъ, которые бы меня извѣстили. И точно, его злодѣя развязали, обливши его нѣсколькими ведрами воды (онъ былъ пьянъ); меня извѣстили и я ударился бѣжать; прибѣгаю къ Инспектору и прошу спасти меня.

Опять со мною милость Божія: вотъ тутъ то, кажется, Горскій побѣждалъ ко мнѣ съ ножомъ: но онъ меня не засталъ въ комнатѣ и побѣждалъ за мною не въ ту сторону. Инспекторъ послалъ за Горскимъ служителями и семинаристами; за нимъ побѣждала огромная толпа. Онъ ушелъ въ лѣсъ, его догнали и дубинами выбили у него изъ рукъ ножъ и привели опять въ Семинарію.

Вечеромъ потребовали меня къ Ректору; тутъ и Инспекторъ. Приведенъ былъ и Горскій, и старшіе тутъ же, и экономъ. Инспекторъ горячился, требовалъ немедленнаго суда. Велѣлъ Горскому говорить: „какіе онъ можетъ представить примѣры на меня, гдѣ бы видно было, что я ябедникъ“. Горскій мялся; потомъ указалъ на одинъ случай, будто я донесъ Инспектору секретно на одного ученика—брата профессора Архангельскаго за то, что онъ былъ когда-то пьянъ, или что-то другое. Инспекторъ тотчасъ потребовалъ профессора Архангельскаго. Спрошенъ профессоръ, и отказался, что онъ не говорилъ ничего и ничего не слышалъ самъ о братѣ отъ Инспектора.

Тутъ зашумѣлъ о. Инспекторъ. Бездѣльнику Горскому грозилъ, Ректору выговаривалъ и просилъ защитить уже не меня, а самого Инспектора. Ректоръ, не знаю, потому ли, что сочелъ неблагоразумнымъ напуститься на Горскаго, опасаясь отъ человѣка раздраженнаго и, очевидно, готоваго на всякія злодѣянія, послѣдствій ужасныхъ, или потому, что тайно радовался мщенію, которому подвергся я и Инспекторъ, какъ такіе люди, которые его безчестятъ, или почему другому—только отдѣлялся какими то неопредѣлительными рѣчами, не оправдывая Горскаго и не защищая ни меня, ни Инспектора. Будучи обезкураженъ такимъ рѣшеніемъ, я сталъ бояться, чтобъ меня не убили. И каково мнѣ было трепетать каждый день и часъ до самой вакаціи.

Тутъ еще вотъ что случилось: ко мнѣ пришла матушка. Она вошла ко мнѣ въ тѣ минуты, какъ Горскій только-что

былъ вытасченъ связанный и какъ я разставилъ караулъ, чтобъ не развязался и не побѣжалъ на меня опять Горскій. Сколь ни радъ я былъ матушкѣ, но я былъ весьма встревоженъ. Я ей не смѣлъ вдругъ рассказать моей исторіи, опасаясь ее саму убить. Но какъ мнѣ сказали, что Горскій развязанъ и убѣжалъ я не сказавъ матушкѣ ни слова, бросился бѣжать. Тутъ матушкѣ рассказали приключеніе и, слава Богу, что она не умѣла понять всей его важности. Удивительно, послѣ мнѣ матушка рассказывала: въ этотъ день (храмовой праздникъ) она стояла обѣдно въ Хотьковомъ монастырѣ. За обѣдней у нея лились слезы ручьями, такъ что она рыдала и не могла себя удержать. Послѣ обѣдни, несмотря на усталость и не поѣвши, тотчасъ побѣжала ко мнѣ въ Семинарію. Это истинно психологическое примѣчательное явленіе, по милости Божіей открываемое людямъ, кого Господь избираетъ. Примѣчательно, что эта катастрофа случилась со мною въ день Николая Чудотворца. Это мое отъ батюшки родительское благословеніе. Батюшка мнѣ наказалъ помнить и благодарить угодника Божія за спасеніе. (24 іюля 1842 г. монастырь).

Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи, я былъ почти брошенъ и друзьями моими. Одни пошатнулись, перемѣнили обо мнѣ мысли, считая клеветы правдою; другіе, по малодушію, изъ опасенія за свою со мною дружбу пострадать—сокрылись. Остались очень немногіе, зато уже неизмѣнные друзья. Изъ нихъ доселѣ помню: Егора Никифоровича Любимова (это примѣчательный человекъ, заискалъ удивительное къ себѣ расположеніе отъ Митр. Филарета, самымъ смѣлымъ и впрочемъ, кажется, самымъ невиннымъ поступкомъ. У него отецъ и мать пьяницы. Онъ осмѣлился написать Митрополиту письмо, гдѣ, жалуясь на родителей, просилъ его: вызвать отца, а ему дать, кажется, 300, иль болѣе рублей, для уплаты должникамъ, которымъ долженъ, а заплатить не можетъ отецъ. Митрополиту это крайне понравилось. Онъ все сдѣлалъ. Отца вызвалъ и увѣщевалъ, и бранилъ, требуемая деньги выдалъ. А самого Любимова, кажется и доселѣ любить. По окончаніи курса доставилъ ему учительство у Графини Барятинской, Льговскаго уѣзда, Курской губ., въ селѣ Ивановскомъ; послѣ далъ мѣсто діакона въ Москвѣ у Троицы въ Троицкомъ. т. е. почти у себя на подворьѣ,

потомъ сдѣлалъ и священникомъ въ Набилковскомъ заведеніи; но тутъ ему не посчастливилось. Любимовъ вошелъ дѣносомъ на воспитателей въ семь заведеній. Якобы за ихъ содомскую педоэрастію. Но тѣ себя отстояли и Любимовъ высланъ въ Серпуховъ въ бѣдный приходъ. Проѣзжая въ Одессу, я съ нимъ видѣлся. Онъ впрочемъ не отчаивается возвратиться въ Москву; и я такъ думаю.

Мои скорби увеличились еще отъ опасеній за сестру Александру. Удаливъ Поспѣлова, я употребилъ всѣ мѣры, чтобы приискать другого жениха и нашелъ его изъ своихъ товарищей Амвросія Вас. Уварова (который дѣйствительно и нынѣ мужъ моей сестры и мнѣ зять). Впрочемъ я не усиливался и не хитрилъ, а только молился Богу и просилъ Его покрыть беззащитную дѣвицу. Господь услышалъ.

Въ одинъ вечеръ (въ первомъ году въ Богословіи), предъ Рождествомъ, приходитъ ко мнѣ въ комнату Амвросій Вас Рѣчи за рѣчами, и онъ вызвался взять мою сестру. Я ему отвѣтилъ: „Поѣдемъ со мною къ родителямъ. Тамъ увидишь сестру; если понравится: буди благословеніе Божіе и я буду радъ“. Предложеніе принято съ охотою. Чтобъ не дать явнаго повода шалунамъ-товарищамъ дагадываться о моемъ намѣреніи, я пригласилъ съ собою еще—Егора Никиф. Любимова. Мы поѣхали. Провели Рождество Христово у бабушки. Я посматривалъ на сестру и на Амвросія; вижу, что они другъ друга не пренебрегаютъ. Чтобъ дать Амвросію большую свободу, я уговорилъ Егора Никиф. ѣхать со мною къ дядюшкѣ въ село Пески верстъ за 40. Мы уѣхали и гостили тамъ дня три. Амвросій остался одинъ.

Пріѣзжаемъ. Смотрю: матушка весела и сестра тоже. Мнѣ тотчасъ сказали, что Амвросій изъявилъ рѣшительно—взять сестру. Я былъ радъ. Переговорилъ съ Амвросіемъ; онъ меня проситъ—дозволить благословиться. Сперва я удерживалъ, опасаясь преимущественно отдаленнаго срока (ибо намъ надобно было еще учиться полтора года), предполагалъ разныя возможныя препятствія. Амвросій просилъ неотступно и—мы его благословили.

Теперь вышло дѣло сдѣланное. Но я былъ скученъ: не довѣрялъ. Такъ и случилось. Въ продолженіи нашего ученія, при такихъ страшныхъ приключеніяхъ со мною, Амвро-

сѣй стать видимо хладѣть, потомъ стать намекать, что онъ себя связалъ рано, необдумавши, что у него могли-бы быть лучшіе виды; что трудно найти свободное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ безпрепятственно взять сестру. Намекалъ и на то, что сестрѣ уже довольно лѣтъ (ей тогда было 18) и проч. На всѣ его рѣчи, я отвѣчалъ одно: „Мы тебя не неволили; ты самъ мнѣ предложилъ свое желаніе, видѣлъ сестру, она тебѣ нравилась. Ты просилъ благословенія, я тебя удерживалъ. Ты хотѣлъ всего. Смотри. Мы правы. Если бросишь сестру, не думаю, что будешь счастливъ“. Не смотря на то, мнѣ однако это было крайне прискорбно. Я ужасался за сестру. Видѣлъ, что ей слишкомъ было бы тяжело—остаться дѣвицею. А притомъ она не пошла бы за дядька. Все сіе вмѣстѣ дѣлало меня мрачнымъ, задумчивымъ. Отъ сего же я слишкомъ мало занимался ученіемъ. Исполнялъ уроки только для вида. Отъ чего я гораздо поотсталъ отъ своихъ товарищей.

А ко всему сему присовокупляться стали и мои время отъ времени сильнѣе воспламенявшіяся чувствованія къ женскому полу. На прекрасную дѣвицу я не могъ смотрѣть безъ огня. Къ счастью, во взаимностяхъ ихъ ко мнѣ я не былъ счастливъ и единственно по сему я былъ доселѣ невиненъ. Дѣвочка всегда предпочитала мнѣ другого молодца, хотя, по моему, моего мизинца не стоившаго. Но и я былъ разборчивъ. Хотѣлъ дружбы отъ такой, которая меня собою плѣняла. При совершенной моей (тѣлесной) невинности, у меня много однако было романическихъ затѣй. Прежде всѣхъ, я полюбилъ одну дворовую, изъ вольно-отпущенныхъ, дѣвицу Прасковью Емельяновну. Дѣвица точно достойная: умница, свыше сверстницъ, прекрасная лицомъ, рѣчь рѣзкая, выразительная, вкрадчивая, сердце чисто невинное. Она меня полюбила, но не больше, какъ душою: едва дозволяла однѣ самыя невинныя прикосновенія и тогда трепетала, какъ рыбка. Другая—дворовая же дѣвица Дарья Андреевна. Эта тоже миленькая дѣвочка: голосъ имѣла пренѣжный (чѣмъ мнѣ особенно и понравилась), но была простенькая дѣвочка и мое къ ней расположеніе готова была удовлетворять далеко; но я остановился на одной дружбѣ невинной. Несчастная! она была увлечена и потеряла невин-

ность отъ какого-то нечестивца ¹⁾, скотскаго, который купилъ себя удовольствіе на одинъ разъ и заставилъ эту дѣвочку плакать всю жизнь. Лѣтъ пять назадъ, я ее видѣлъ; она и осталась дѣвицею. А Прасковья Емельяновна скоро вышла замужъ. Я и въ это время уже ее видѣлъ. Но тутъ я получилъ отъ нея отвращеніе. Въмѣсто трепещущей невинности, я увидѣлъ уже нахальство. Такъ глухие чувственные мужья, скотски пресыщаясь наслажденіями супружества, убиваютъ украшеніе женщинъ — цѣломудренную стыдливость. Тутъ она хотѣла быть ко мнѣ снисходительна, на сколько мнѣ угодно, но я—отринулъ. Было и еще нѣсколько дѣвицъ, которыми я плѣнялся и которыя отвѣтствовали мнѣ взаимностію. Онѣ всё сами были невинны, или по крайней мѣрѣ не позволяли мнѣ больше душевной дружбы и чрезъ то и меня оставили невиннымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и готовились было пасть со мною въ грѣхъ, но я сего ужасался, или спасаемъ былъ непредвидимыми обстоятельствами. Вотъ это моя темная сторона; не хочу дальше разкрывать ее. Эта грусть еще и доселѣ со мною. Во всемъ могу бороться и побѣждаю, только здѣсь я вовсе безъ силъ. Боже мой! Твое азъ есмь твореніе, да не погибну!

Но возвратимся къ исторіи: будучи потрясенъ страшнымъ приключеніемъ со мною отъ звѣрства ученика Горскаго, я пріѣхалъ на вакацію домой совсѣмъ увядшимъ. Предъ отѣздомъ на вакацію изъ Семинаріи, я былъ предваренъ, якобы Горскій намѣревался подстеречь меня на дорогѣ и если не убить, то избить безчеловѣчно. Какія же было можно принять предосторожности? Никакихъ! положился на единый Промыслъ Божій, который меня и сохранилъ. Удивительно кажется въ этотъ самый разъ мнѣ довелось даже и ночевать именно вмѣстѣ съ Горскимъ на дорогѣ (семинаристы обыкновенно на ночлегъ собирались въ одну квартиру). Здѣсь съ самимъ Горскимъ случилось самое гнусное приключеніе. Напившись пьянъ до безчувствія, онъ ночью ухватилъ одного мальчика изъ крестьянъ, тутъ-же ночевавшихъ, и хотѣлъ содомства. Мальчикъ закричалъ. Услышали его спутники мужики и открылась сцена постыдная. Я спалъ, приключенія этого не слышалъ; но, вставши по-утру, узналъ

¹⁾ Купецъ Варигинъ—милліонеръ, но умеръ нищимъ.

все. Мужики разсвирѣпѣли, какъ львы и требовали законной расправы. Не знаю, какъ это кончилось постыдное дѣло: я уѣхалъ. Горскій тогда еще былъ удержанъ: кажется, помирились на винѣ.

Въ Москвѣ меня встрѣтилъ дядюшка Николай Борисов. со слезами и благодарилъ Бога за мое спасеніе.

Этотъ Горскій послѣ былъ діакономъ и я его видѣлъ у зятя и сестры въ селѣ Горбовѣ. Мой батюшка этому Горскому далъ строгій выговоръ. Батюшка приписывалъ избавленіе мое св. Николаю Чудотворцу (симъ образомъ меня благословилъ батюшка).

Дома я жилъ грустно, чувствовалъ себя очень слабымъ и всѣ пріятности молодя мнѣ были скучны. Наконецъ, меня поразила жестокая болѣзнь. 17-го августа я былъ въ Рузѣ у двоюроднаго моего брата священника Павла Мат. Онъ меня подчивалъ пуншемъ изъ дурной французской водки. Я насилу выпилъ чашку. Пошелъ домой; дорогою былъ веселъ. Пришелъ домой спокойно; легъ спать, уснулъ; по-утру, на зарѣ проснулся. Почувствовалъ нестерпимую рѣзь въ животѣ, такъ какъ будто отъ поясицы къ мочевому члену какая то бѣжала струя съ нестерпимымъ рѣзомъ¹⁾; я сперва крѣпился, потомъ началъ охать, а наконецъ вовсе потерялъ терпѣніе. Родители испугались; пришли въ жалость, а помочь не умѣютъ. Вздумали купить вина (водки), налили рюмку, насаливъ вино крѣпко солью; я выпилъ: меня вырвало, но ни малѣйшаго облегченія. Къ половинѣ дня рѣзь немного утихъ, но я уже померкъ совершенно. Аппетитъ вовсе пропалъ. Меня задавила какая-то безпредѣльная грусть. Все въ мірѣ мнѣ стало противно. Между тѣмъ, тотъ рѣзь меня не оставлялъ. Стали совѣтовать деревенскія разныя средства: ничто не помогало. Присовѣтовали сходить къ ворожеѣ. Хотя я не вѣрилъ такому магическому лѣченію, но отъ нестерпимости страданій, рѣшился попробовать. Я ходилъ къ ней съ матушкою. Ворожея молилась, процѣживала воду сквозь какія-то травяныя цѣвки, посматривала въ окно, брызгала меня наговоренною водою, положила меня на лавкѣ, покрыла скатертью и начала тихонько своими зубами сквозь скатерть грызть, начиная отъ груди ниже до

¹⁾ Мнѣ послѣ медики объяснили, что это текло сѣмя мужское

prudendum. На меня напалъ ужасъ. Она сказала: „ему при-
придчилось. Его сглазили.“ Въ самомъ дѣлѣ, когда я шель
изъ Рузы, со мною встрѣтились наши крестьяне мужчины
и женщины, шедшіе на барщину. Мнѣ тогда это показалось
нѣсколько правдоподобно.

Борожея дала намъ своей воды, чтобъ я ее понемногу
выпивалъ и мазался. Но это все было пустяки; я не получилъ
облегченія нисколько.

Прострадавъ такимъ образомъ недѣли двѣ, я рѣшился
отправиться въ Москву, чтобъ тамъ отъ ученыхъ врачей
получить пособіе, если можно. Я сталъ даже забываться. Мнѣ
стало думаться, что я сейчасъ умру. Однажды матушка
шила что-то. Я ее спрашиваю: „ты, матушка, мнѣ шьешь
саванъ?“ Матушка со слезами на глазахъ, меня увѣряла,
что шьетъ рубашку, иль что другое: я не повѣрилъ.

6-го, или 7-го сентября я отправился съ матушкою и еще
съ двумя двоюродными сестрами—дѣвками въ путь пѣш-
комъ. Дошелъ до Звенигорода совершенно легко. 8-го числа,
въ день Рождества Пресвятыя Богородицы я былъ въ Сав-
винѣ монастырѣ. Молился за литургією (это здѣсь храмовой
праздникъ; я для него и пошелъ). Служилъ Преосв. вика-
рій—Кирилль, говорилъ экспромтомъ плохую проповѣдь.
Мнѣ немножко было легче. Я воротился съ матушкою на
квартиру отобѣдать и послѣ—простился. Онѣ остались тутъ:
я пошелъ одинъ въ Москву. На ночлегъ пришелъ въ Уборы
и ночевалъ у діакона, зятя о. Инспектора Феодотія. Здѣсь
умница діаконица, сестрица о. Инспектора доживала свой
вѣкъ. Она была въ лютой чахоткѣ. Мнѣ ее было смертельно
жаль (она скоро умерла). Премиленькая женщина. Мужъ ея
едва-ли не потерялся отъ безмѣрной тоски.

Пришелъ въ Москву къ дядюшкѣ. Здѣсь сперва старался
отыскать умнаго лѣкаря, который, бы разгадалъ мою бо-
лѣзнь (мнѣ казалось, что моя болѣзнь слишкомъ мудрена
и едва-ли излѣчима. Я все собирался умирать). Тутъ со
мною было нѣсколько приключеній, а именно: 1) Однажды я
пришелъ къ обѣднѣ въ Дѣвичій Страстной Монастырь (предъ
обѣднею я напился чаю и не исправился). Началась обѣдня
и я скоро почувствовалъ нужду вытти. Но вытти мнѣ каза-
лось преступленіемъ: я томился и стоялъ. Наконецъ, къ
„Елицы оглашенніи“ я рѣшительно потерялъ терпѣніе; вы-

шелъ исправился и опять вошелъ въ церковь. Начали пѣть „Иже херувимы“. Вдругъ какой-то мужикъ заревѣлъ, какъ дикій волъ, и началъ ужасно метаться. Я обмеръ; мнѣ казалось, что его бѣсъ вооружилъ на меня за то, что я выходилъ изъ церкви и вошелъ неумовенный. Народу было много, но больше женщины. Однако его схватили и возились съ нимъ полчаса: бѣсъ давалъ ему силы. Я не смѣлъ вытти. Боялся, чтобъ онъ меня не схватилъ, и по окончаніи обѣдни прибѣжалъ домой полумертвый. 2) Дядюшка мнѣ нашелъ доктора, просилъ его за меня. Я къ нему пришелъ. Докторъ этотъ пьяный человѣкъ. Какой-то мистикъ, едва-ли не массонъ. Жену свою ненавидитъ по какому то неистовому и хульному отвращенію вообще отъ женскаго пола. Всякую женщину онъ хотѣлъ проклинать. Къ нему-то я пришелъ. Онъ живетъ въ антресоляхъ. Нижній этажъ занимаетъ жена и, кажется, съ дѣтьми! (чьи-жъ дѣти, если онъ ненавидитъ жену?) Меня сперва встрѣтила жена, женщина степенная, кроткая, пріятная, лѣтъ 37. Когда я спросилъ Петра Ив., она мнѣ показала лѣстницу на антресоли. Я взошелъ. Мой докторъ не совсѣмъ былъ мнѣ радъ. Я его просилъ помочь мнѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „Пей въ отварной водѣ по 15 капель анисоваго масла. Да у меня есть свое; прими у меня на первый разъ“. Подали отварной воды, онъ налилъ меньше полрюмки; потомъ сталъ лить анисовое масло. Руки его дрожать; капельки масла премаленькія, онъ мнѣ налилъ больше гораздо 15-ти. Я выпилъ; потомъ уйдя отъ него, зашелъ пообѣдать къ дядюшкиному тестю діакону у Спаса въ Наливкахъ. Меня посадили за столъ. Не могу держать ложки въ рукахъ: выпадаетъ. Я одурѣлъ. Отсюда я скоро ушелъ. У меня было желаніе отстоять какую-либо службу въ женскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ мнѣ Иванъ Ив. Казариновъ указалъ чудотворный образъ Божьей Матери—цѣлительницы. Чтобъ провести время до вечерни, я болтался около Кремля; пошелъ къ вечерни, мнѣ было время отъ времени дурнѣе. Я приложился къ образу. Слушалъ вечерню. Начали читать правило. Я чувствовалъ, что скоро упаду: принужденъ былъ вытти. Пройдя немного, я сталъ изнемогать. У меня померкло въ глазахъ и вертѣлось. Нанялъ извозчика и полумертвый вошелъ къ дядюшкѣ. Въ эту ночь до половины я страдалъ: у меня кружилось въ головѣ, какъ

бы отъ угара; я бредилъ. Но, слава Богу, по-утру проснулся опять здоровымъ. Посему я не сталъ уже пить анисовое масло.

Послѣ такихъ приключеній, я все оставался въ прежнемъ мракѣ и меланхоли. Можетъ быть только сіи потрясенія приостановили распространенія сей тяжкой болѣзни. Стали мнѣ совѣтовать, чтобъ я шелъ въ Марьянскую больницу. Я согласился. Въ этотъ день, (около 20-хъ чиселъ сентября) мнѣ показалось, будто меня кто-то рано поутру будилъ, говоря: „Не лѣнись! вставай. Благовѣстятъ къ заутрени. Ступай въ Благовѣщенскую церковь“. Я зналъ, что на Тверской есть Благовѣщенская церковь; спрашиваю: „та-ли, что красная?“—Отв.—„да!“ Я проснулся, и точно благовѣстили. Я одѣлся, побѣжалъ, но Благовѣщенская церковь была заперта. Не помню, а, кажется, я побѣжалъ къ другой. Но мнѣ въ 8 часовъ надо было быть въ больницѣ. Я побѣжалъ домой. Написалъ о себѣ свидѣтельство и просилъ священника подписать. Все сдѣлано; я пришелъ въ больницу. Меня спросили о болѣзни.—Я сказалъ.—„Ученая болѣзнь! хорошо, мы тебя скоро вылѣчимъ.“ Записали. Тотчасъ въ баню. Обмыли; одѣли въ больничное платье. Помѣстили въ комнатѣ опасныхъ! Я ужаснулся; стали лѣчить; сперва для очищенія, а потомъ настоящія лѣкарства. Когда я пожаловался на комнату, въ которой меня помѣстили, думая, что меня также сочли опаснымъ: меня тотчасъ перемѣстили въ другую, сказавъ, что на первый разъ не было свободной койки между неопасными, потому и помѣстили въ опасной. Меня доктора ласкали, увидѣвъ, что я читаю Цицерона de Oratore. Ободряли, пеклись особенно отъ другихъ. Но мнѣ не помогало. Я погрузился въ ужасную тоску. Пробывъ здѣсь съ недѣлю, я рѣшительно потерялъ терпѣніе; началъ проситься, говоря, что я себя чувствую теперь хорошо. Меня уговаривали; я умолялъ. Страданія больныхъ, которыхъ въ одной моей комнатѣ было 17, ужасали меня, кругомъ слышу о болѣзняхъ и смерти. Это домъ смерти, писалъ я брату. Мнѣ самому здѣсь надобно умереть, а не излѣчиться. Дѣйствительно, по свойству моей болѣзни, больница была бы мнѣ громомъ. Мнѣ надобно было лѣчиться свободою, воздухомъ.

Черезъ восемь, или девять дней меня выпустили. За мною

пришелъ ученикъ Моск. Семинаріи Никита, шуринъ Павла Матв. моего двоюроднаго брата. Только я вышелъ на свѣжій воздухъ, пришелъ въ какое то изступленіе, побѣжалъ бѣгомъ, какъ бы опасаясь, чтобъ меня не воротили въ больницу; смѣялся, плакалъ, былъ весь въ конвульсіяхъ. Прибѣжалъ къ дядюшкѣ, бѣгаю по комнатамъ, не могу радоваться свободѣ, плачу и смѣюсь. Въ самомъ дѣлѣ больница—ужасное мѣсто. При мнѣ умеръ іеродіаконъ изъ монастыря и еще нѣсколько. Видѣлъ солдата, недвижимо лежащаго, котораго надобно кормить; языка нѣтъ. Какая жалость! Спасибо сидѣлкамъ; ходятъ, не гнушаются. Есть строптивые больные; со всѣми ссорятся, всѣми недовольны. Сестры милосердія тоже попечительны: больныхъ уговариваютъ, утѣшаютъ разказами. Чистота въ высшей степени: мнѣ перемѣняли каждый день рубашки, потому что на ночь мазали какой-то мазью. Я былъ въ церкви. Читаль.

Побывъ немного въ Москвѣ и почувствовавъ себя лучше, я рѣшился ѣхать въ Семинарію и точно, уѣхалъ въ первыхъ числахъ Октября. Въ Семинаріи, не смотря на всѣ горести, мнѣ было легче. Я, такъ сказать, износилъ свою болѣзнь. Ректоръ не хотѣлъ, чтобъ я далѣе былъ Сеніоромъ. Меня помѣстили въ 1-мъ номерѣ съ учениками Богословія, просто, какъ частнаго человѣка. Это мнѣ было слишкомъ прискорбно. Я пожаловался о. Инспектору, и мнѣ дана комната въ старшинство, башня, что къ Лаврѣ, вверху, гдѣ жили ученики Философіи и одинъ Богословъ. Тутъ я помирился со своею жизнію. Началъ заниматься дѣлами и утѣшаться дружбою товарищей.

Въ это время я видѣлъ удивительный сонъ: я спалъ; ночь была мѣсячная. Вижу, растворяется дверь, входитъ старецъ съ длиною бородою, въ бѣлой длинной рубашкѣ—старецъ лѣпообразный; подойдя ко мнѣ, онъ меня слегка толкнулъ въ бокъ, я проснулся. „Ты спишь“, сказалъ онъ: и безпечень, а какія страшныя происшествія на землѣ: люди въ возбужденіи мятутся; пороки умножились до безмѣрности, вопль ихъ слышится на небесахъ! Скоро зашумятъ сильнѣе. Прольются рѣки крови. Ты много увидишь самъ и будешь не зрителемъ только, но тебѣ надобно будетъ дѣйствовать и спасать. Нынѣ война на церковь! и она будетъ жестока! а ты спишь и безпечень!“ Я ужаснулся отъ сихъ рѣчей, сми-

ренно ихъ выслушивая. Потомъ спросилъ меня старецъ: „что у тебя за книги на окнѣ“? Я ему ихъ пересчиталъ. „Подай мнѣ Библию“, сказалъ онъ. Я подаль. Старецъ разгнулъ книгу и подаль мнѣ читать. Я началъ читать; прочелъ съ полглавы. Чудные глаголы! Какая выпрeнная необъятная премудрость! Мнѣ казалось, что я поднялся надъ землею и надъ всѣмъ человѣчествомъ столько, что мнѣ казалась земля за маленькій шаръ, а люди, какъ пылинки. Я смѣялся надъ дѣлами человѣческими. Ихъ заботы, крушенія, замыслы, начинанія, величайшія дѣла показались меньше дѣтской игры, сущими бессмысленными пустяками. То было подо мною, но надо мною и вокругъ меня какое-то безконечное море неизъяснимо утѣшительнаго, духовнаго, но мнѣ въ нѣкоемъ чувственномъ образѣ представившагося свѣта. Здѣсь я ощутилъ, что есть подлинное существенное вѣдѣніе. Я коснулся своимъ разумомъ только послѣдняго края его: вижу, что цѣлой вѣчности не достанетъ изслѣдовать и уразумѣть видѣнное. Я былъ въ блаженнѣйшемъ утѣшеніи Глаголы Божіи, мною прочтенныя, были столь крупны, что ихъ единица въ безмѣрность превосходила все, что я доселѣ на землѣ узналъ и выучилъ; что на одну мысль надобно написать столько-бы книгъ, что ихъ не вмѣстилъ бы міръ. Тутъ я подумалъ: вотъ что слово Божіе. А мы его хотимъ измѣрять своимъ разумомъ. Божіе безконечно, какъ Онъ самъ. Однако вмѣстѣ съ симъ я чувствовалъ, что все это есть видѣніе, а не бодрственное состояніе. Старецъ потребовалъ отъ меня Библию обратно. Мнѣ жаль было ее отдать, однако не смѣлъ. Я старался замѣтить листъ, на которомъ написаны прочитанныя мною глаголы Божіи. Помнится, будто 8-я и 9-я главы Притчей, иль Еклезіаста; однако совершенно не припомню. Видѣніе кончилось. Старецъ отъ меня тихо пошелъ вонъ и скрылся. Въ ту минуту я точно, проснулся. Я лежалъ спокойно (а не сидѣлъ, какъ мнѣ въ видѣніи казалось) на кровати и покрытый одѣяломъ. Книжки точно лежали на окнѣ предо-мною и между ними Библия въ 8-ю долю, по которой я будто читалъ. Пробужденіе было сладкое. Душа трепетала какою-то небесною радостію.

Едва я сталъ пробуждаться, тотчасъ подумалъ: „у насъ въ Государствѣ великія перемѣны. Живъ ли Государь?“ И что-жь? Это видѣніе было именно на 19 ноября, когда скон-

чался Императоръ Александръ Павловичъ. Когда пришла вѣсть о его кончинѣ, я еще болѣе умилился о дарованномъ мнѣ отъ Господа видѣніи. Такое видѣніе глубоко впечатлѣло въ душѣ моей благоговѣніе къ св. Писанію, которое, по милости Божіей, и доселѣ остается со мною. Притомъ я возблагодарилъ Господа и за то, что удостоиваюсь толикаго Его приближенія къ себѣ. Что же касается до первой рѣчи старца, то часть ея я уже вижу; остальной съ трепетомъ ожидаю, полагаясь на премудрый и благій Промыслъ Божій.

Остальную часть сего послѣдняго года я уже прожилъ мирно. О. Ректоръ, впрочемъ, не возвратилъ мнѣ своей милости; я остался отъ него отчужденнымъ, хотя впрочемъ, не было никакихъ мнѣ притѣсненій. Предъ Масленицею, о. Ректора назначили во Епископа-Викарія въ Петербургъ. Онъ былъ въ восхищеніи; радовались и сослужащіе: ибо не уважать и не любить такого достойнаго Ректора было невозможно.

Удивительно, вотъ русскія примѣты: предъ полученіемъ увѣдомленія о семъ изъ Петербурга, недѣли за полторы, появился у насъ въ классѣ хорекъ, и во время лекцій о. Ректора рассказивалъ по классу. Это было раза два, или три. Потомъ онъ скрылся: и ни прежде, ни послѣ, его не видали. Классическая комната была вмѣстѣ и жилая и въ верхнемъ этажѣ. Хорька ни прежде, ни послѣ никто не видалъ. Толкуйте что хотите, а вышло необычайное не даромъ.

При прощаніи о. Ректора съ Семинаріею, былъ въ Виваніи праздникъ. О. Ректоръ въ послѣдній разъ служилъ въ домово́й,—Митрополичьей церкви въ Воскресенье. Мнѣ назначилъ о. Инспекторъ русскую рѣчь. Другіе писали стихи и латинскую рѣчь. Написавши рѣчь, я принесъ къ о. Инспектору для прочтенія; о. Инспекторъ прочелъ и разбранилъ меня: „Дурная рѣчь! видно, что ты ненавидишь Ректора. Дуракъ! что ты за человекъ? какъ смѣешь сердиться на своего начальника, учителя и отца? Зачѣмъ забываешь и его къ тебѣ благодѣянія?—возьми эту, напиши другую рѣчь!“ Я почувствовалъ всю силу упрека, побѣжалъ домой, помолился Богу тайно и написалъ другую рѣчь. Эта уже очень понравилась о. Инспектору; онъ ее расхвалилъ. Я произнесъ предъ о. Ректоромъ сію рѣчь. У него слезы на глазахъ: видно.

что хоть съ сей минуты, онъ простилъ меня. (Пишу 28 іюля 1842 г. и именно въ день Ангела бывшаго моего, незабвеннаго, о. Ректора, нынѣ Архіепископа Волынскаго Никанора. Онъ теперь въ Петербургѣ въ Синодѣ присутствующій).

На мѣсто Никанора, Ректоромъ въ нашу Семинарію, опредѣленъ былъ о. Платонъ, Инспекторъ Моск. Академіи. Этотъ Ректоръ полюбилъ меня очень и трактовалъ меня, какъ перваго ученика. Посыпались на меня его милости, довѣренность его ко мнѣ чрезвычайная: такъ что и о. Инспекторъ сталъ меня подозрѣвать. О. Ректоръ хотѣлъ прочесть лекціи своего предмѣстника и для того выбралъ меня чтецомъ. Съ недѣлю я ходилъ къ нему по вечерамъ и просиживалъ у него иногда до полуночи. Тутъ много было ученыхъ рѣчей—и о. Ректоръ еще болѣе сталъ меня любить и—уважать. Это заставило спрятаться въ щель моихъ непріятелей. На перерывъ они старались заискивать себѣ мою благосклонность, опасаясь моего мщенія. Я имъ точно, отмстилъ—благодареніемъ. Не похваюсь: это Божіе. Но я многихъ изъ нихъ спасъ отъ 3-го разряда и дурнаго поведенія ¹⁾. Просилъ о. Ректора и о. Инспектора утѣшить сихъ несчастныхъ хорошими аттестатами и для многихъ успѣлъ.

Въ послѣднюю треть, случилось два происшествія, которыя разскажу: 1) По вызову профессора Архангельскаго, вѣскольکو учениковъ собрались половить ночью рыбы въ прудахъ. Пруды сіи принадлежатъ Лаврѣ. Ученики были въ куражѣ; на нихъ наѣхалъ Лаврскій іеромонахъ Анастасій,—подъэкономъ, человѣкъ разсѣянный и нестерпимый гордецъ. Этотъ Анастасій тотчасъ приказалъ штатнымъ схватить Семинаристовъ. Семинаристы ободрились; дѣло дошло до драки. Анастасій отъ нихъ убѣжалъ къ одному штатному въ домъ и тѣмъ спасся отъ побоевъ. Поутру пріѣзжаетъ къ Ректору Намѣстникъ Лавры, жалуется на семинаристовъ и грозитъ писать къ Митрополиту. Ректоръ перепугался; сообщаетъ Инспектору, назначаетъ строгій розыскъ. По приказанію Инспектора, ученики заперлись; говорятъ: мы были дома, рыбы не ловили, не знаемъ никакихъ приключеній. Ректоръ призываетъ меня, проситъ ради Бога успокоить его и донести: кто ловилъ рыбу и кто былъ зачинщикомъ и участни-

¹⁾ Т. е. отъ аттестаціи дурной

комъ въ ночномъ дебоширствѣ. Я ему отказалъ на отрѣзъ, сказавъ, что я ничего не знаю. И дѣйствительно, тогда не зналъ ничего.

Черезъ нѣсколько времени, о. Ректоръ позвалъ меня опять и прежалостно упрасивалъ меня, чтобы я ему рассказала дѣло, какъ было. Въ это время я точно, узналъ порядочно, какъ происходило то происшествіе. Я сказалъ: „Если Вашему Высокопреподобію нужно это только для личнаго Вашего успокоенія, извольте, я расскажу, какъ слышу. Но я не скажу Вамъ ничего, если захотите преслѣдовать этихъ несчастныхъ рыболововъ“. Ректоръ: „Вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что скажешь, то останется только со мною. Не хочу мстить, хочу только себя успокоить“. Выслушавъ такое свидѣтельство, я рассказалъ, что и какъ зналъ. И что-же? Несчастнѣйшій Ректоръ жестоко отмстилъ всѣмъ тѣмъ, кого я исчислилъ. Иныхъ исключилъ, другихъ замаралъ поведеніемъ. Я доселѣ объ этомъ жалѣю и не могу надивиться правиламъ человѣка, который такъ мало цѣнитъ свою клятву.

Я повинился о. Инспектору; онъ меня разбранилъ. Но я сказалъ, какъ вынудилъ отъ меня тѣ рѣчи о. Ректоръ. Я просилъ о. Инспектора, сколько можно, спасти тѣхъ семинаристовъ. Полагаю, что онъ имъ помогъ. Ибо иначе Ректоръ ихъ всѣхъ отправилъ бы въ Губернское. 2) Въ Вознесенъе пріѣхалъ въ Виованію о. Ректоръ Академіи Поликарпъ. Онъ любилъ купаться. Зазвалъ съ собою нашего Ректора, Инспектора и профессоровъ. Накупавшись досыта, они развеселились; позвали семинаристовъ и заставили ихъ себя потѣшать. Я обо всемъ этомъ слышалъ и жалѣлъ, что наши начальники предъ нами дѣтскими обнаруживаютъ свою слабость. Однако я оставался въ сторонѣ. Уже поздно вечеромъ, одинъ семинаристъ, найдя меня, рассказалъ все безобразіе семинарскихъ потѣхъ и, изъ жалости къ начальникамъ, просилъ, чтобы я приберегъ начальниковъ и разогналъ семинаристовъ. И тотчасъ побѣжалъ на мѣсто веселія. Вижу, что оба ректора, почти безъ чувствъ, валяются по землѣ. а предъ ними танцуютъ и пляшутъ удалые семинаристы, припѣвая плясовыя пѣсни. Половина семинаристовъ были такъ же пьяны. Я нашелъ о. Инспектора. Спросилъ его: „Не прикажете-ли семинаристовъ разогнать, а васъ проводить до

келій?“ О. Инспекторъ обрадовался и просилъ ради Бога спасти ихъ отъ позора. Онъ бѣдняжка дрожалъ: былъ выкупанъ во всей одеждѣ. Отбравъ нѣсколько благонамѣренныхъ, остальнымъ семинаристамъ я приказалъ сейчасъ убраться въ Семинарію. Спасибо, семинаристы послушались, а мы взяли обоихъ Ректоровъ и другихъ немощныхъ и на рукахъ донесли до келій. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Но семинаристы уже выпросили на другой день рекреацію. Я просилъ старшихъ уговорить семинаристовъ,—чтобъ они не раздражали болѣе смятенной совѣсти начальниковъ; провели бы рекреацію тихо. Самъ я весь день оставался въ комнатѣ, для того, чтобъ быть примѣромъ другимъ. Не смотря на это, нашлись шалуны, которые дурачились и именно были пьяны, что и узвано было о. Инспекторомъ.

Вечеромъ, послѣ ужина, по обыкновенію, мы старшіе пришли къ о. Инспектору съ рапортами о благосостояніи семинаріи. Инспекторъ былъ мраченъ, напиралъ и на меня. Я рѣзко отвѣчалъ, считая себя слишкомъ заслужившимъ не суровость отъ начальниковъ, а благодарность. Но я былъ со сна. Голосъ мой хрипѣлъ. Глаза были темны. Инспекторъ подумалъ, что я пьянъ; я не догадался о его подозрѣніяхъ.

На другой день, то была суббота, послѣ обѣдней классъ повтореніе историч. уроковъ, а Исторіи профессоръ—Инспекторъ. Онъ прибѣжалъ въ классъ раздраженнымъ. На ту бѣду я не пришелъ въ классъ. Послѣ обѣда я любилъ уснуть; меня не смѣли побудить: я спалъ. Спрося, гдѣ я, Инспекторъ послалъ за мною. Пришелъ ученикъ Зерновъ—будить меня, говоря, что меня требуетъ Инспекторъ. Я, полагая, что Зерновъ меня обманываетъ, чтобъ отвязаться отъ него, говорю: „Скажи, что не иду“. Зерновъ пришелъ во второй разъ; тутъ я узналъ, что тутъ нѣтъ шутки, тотчасъ вскочилъ, собрался и вошелъ въ классъ. Инспекторъ прямо на меня; спрашиваетъ урокъ. Хорошо я не могъ отвѣтить. Онъ изругавъ меня, велѣлъ сѣсть на послѣднемъ мѣстѣ. Мнѣ это слишкомъ было больно. Послѣ класса, я прихожу къ Инспектору объясниться: онъ не принимаетъ. Я требую настоятельно. Вышелъ Инспекторъ. Дрожа отъ досады, я объяснилъ Инспектору, сколько сдѣлалъ добра для сохраненія ихъ чести и какъ я нынѣ вовсе невиненъ. Мы помирились.

Наконецъ, настало мое окончаніе курса въ Семинаріи. Митрополитъ Филаретъ производилъ испытанія въ Академіи. Мы ждали его къ себѣ въ гости. Митрополитъ остороженъ и загадоченъ: напередъ ничего не скажетъ. Нашему о. Ректору сказалъ уже вечеромъ, что онъ завтра у насъ будетъ на экзаменѣ. Ректоръ пріѣхалъ въ Семинарію опрометью; тотчасъ за мною; меня нѣтъ. Послали пол-семинаріи искать меня повсюду. Я былъ въ деревнѣ (Аванасовѣ) съ версту, иль побольше отъ Семинаріи. Нашли. Я почувствовалъ, что требуюсь для важнаго дѣла, бросился бѣгомъ, снялъ сапоги. Запыхавшись, я прибѣжалъ къ воротамъ монастыря, обулся и вошелъ въ монастырь тотчасъ, надѣясь отдохнуть, пока доложатъ обо мнѣ Ректору. Но онъ—тутъ и есть!—Съ ужасомъ (смѣшно!) меня извѣщаетъ, что завтра на экзаменѣ будетъ митрополитъ. У меня немножко было въ головѣ, отвѣчаю: „Не беспокойтесь, о. Ректоръ, мы уроки знаемъ славно, зададимъ пыли Его Высокопреосвященству (это собственныя мои тогдашнія слова)“. Ректоръ усмѣхнулся; просилъ, умолялъ меня, чтобъ мы твердили уроки.

Митрополитъ назначилъ присутствовать на нашемъ экзаменѣ о. Ректору Академіи; не велѣлъ себя дожидаться, обѣщаясь пріѣхать къ 11-ти часамъ. Въ 9 часовъ начали экзаменъ: отвѣчали живо; спрошенъ былъ и я.

Бѣдетъ Митрополитъ. Начальники бросили экзаменъ; побѣжали къ воротамъ встрѣчать Митрополита. Подѣхалъ Митрополитъ; отворили карету: не выходитъ. Вышелъ. Наши начальники, низко поклонясь, идутъ къ благословенію. Митрополитъ пошелъ мимо ихъ. Вошли въ залу; пропѣли молитву. Сѣлъ! Вотъ рѣчи Митрополита: „зачѣмъ вы бросили свое дѣло и побѣжали навстрѣчу мнѣ? развѣ я не зналъ, что вы занимаетесь дѣломъ? Развѣ я не сказалъ вамъ, что я буду къ 11-ти часамъ? Зачѣмъ вы выбѣжали? Грабить меня хотѣли, что-ли? иль подумали, что я пріѣхалъ васъ грабить?“ Такое начало ужасно насъ смутило.

Поданъ конспектъ. Митрополитъ спрашиваетъ съ перваго момента и именно меня. Ректоръ подбѣжалъ говорить: „это было пропущено моимъ предмѣстникомъ“.—„Зачѣмъ же ты поставилъ въ конспектѣ?“ Ректоръ замолчалъ. Вопросъ былъ о шестидневномъ сотвореніи міра. Эта статья точно была опущена. Мы ее не учили. Я почти сталъ въ тупикъ. На-

чать: „Deus creavit totum hunc mundum sex dierum spatio“—и остановился, прибирая далѣ мысли и слова. Митр., полагая, что я оробѣлъ, спросилъ: „quare?“ Ректоръ, думая мнѣ помочь, подбѣжалъ и шепчетъ мнѣ на ухо: „quare? quare?“—мнѣ было крайне досадно; сбивалъ меня и смѣшилъ. Я что-то сказалъ; Митр. посадилъ. Послѣ меня пошли статьи уже выученныя; мои товарищи отвѣчали бойко. Такимъ образомъ мое пророчество Ректору сбылось. Точно, задали пыли, но—кромѣ меня! Такъ Господь посмѣвается самонадѣянности!

Впрочемъ это мнѣ нисколько не повредило. Я имѣлъ счастье хорошо отвѣчать на вопросы Митрополита и, кажется, и въ сіе время былъ удаченъ. Меня назначили въ Академію вмѣстѣ съ двумя другими: Иваномъ Вас. Платоновымъ Холмогоровымъ и Павломъ Сем. Модестовымъ. Такъ кончилось мое ученіе въ Семинаріи.

Скажу о Вианіи и окрестностяхъ ея.

Основаніе монастырю и Семинаріи сей положилъ Митрополитъ Платонъ. Мѣстоположеніе здѣсь холмисто и перекрещено оврагами, въ которыхъ текутъ очень маленькія ручейки. Вся сія земля, кажется, принадлежала Лаврѣ. (Впрочемъ немного нарѣзано и отъ обывателей). Митрополитъ устроилъ огромную, каменную плотину немного пониже соединенія трехъ ручьевъ, изъ коихъ одинъ идетъ изъ Пассада, другой отъ деревни Аванасовой слѣва и третій отъ Корбуха справа. Запертая такимъ образомъ вода скопилась въ огромный прудъ, иль озеро съ версту въ диаметрѣ.

Противъ сего же пруда поставлена Семинарія, а вровень съ плотиною монастырь. Возвышенность, на которой монастырь и Семинарія, вся покрыта лѣсомъ-березами; часть сихъ деревьевъ уже очень древняя, а больше—средняго роста. Прудъ отъ Семинаріи и монастыря на западъ, а съ востока, отъ сѣвера къ югу, бѣжитъ изрядная рѣчка, имѣющая со стороны Семинаріи высокій и крутой берегъ. Эта рѣчка есть граница, отдѣляющая Московскую Губернію отъ Владимірской.

Къ сѣверо-востоку отъ Семинаріи, меньше, чѣмъ въ верстѣ за сею рѣчкою, село Глинково—Владимірской губерніи. Здѣсь былъ кабакъ, куда несчастные семинаристы хаживали

пить вино (грѣшенъ и я!), это въ шутку мы называли „путешествіемъ за Евфратъ“. Не безъ бѣдъ бывало такое путешествіе. Инспекторъ насъ сторожилъ, и не дешево расплачивался попавшійся семинаристъ. На югъ отъ Семинаріи и монастыря широкою грядою на версту тянутся прекрасныя, березовыя, очень чистыя рощи, пересѣкаемыя небольшимъ полемъ, огородами и слободкою штатныхъ служителей. На сѣверъ и сѣверо-востокъ тоже березовыя рощицы, узкою полосою по скату берега къ прудамъ расположенныя. Тутъ есть и прекрасныя луга.

Съ версту отъ Семинаріи, на сѣверо-востокъ, огромный садъ, иль роща то же березовая, называемая Корбуха. Этотъ садъ насажденъ Митрополитомъ Платономъ. Съ трехъ сторонъ онъ былъ огражденъ кирпичною, въ 1½ сажени стѣною; четвертая прислонялась къ лѣсу, называемому Исакиевская роща. Корбуху въ срединѣ отъ сѣверо-востока къ юго-западу разрѣзываетъ прекрасный прудъ. Корбуху отъ Виѣанской земли отдѣляетъ большая дорога, идущая изъ г. Александра въ Сергіевъ Посадъ.

Покойный Митр. Платонъ весьма любилъ сію рощу. Здѣсь былъ построенъ прекрасный лѣтній домъ. Здѣсь любилъ онъ съ семинаристами и съ ихъ учениками гулять. Тутъ бывала музыка, гимнастическія игры, даже театръ, составлявшійся обыкновенно изъ тѣхъ же учителей и семинаристовъ. Піесы для театра составляли сами г.г. ученые, они вѣрно были простодушно-забавны. Здѣсь не было и запаха женщинъ. Эта была простая игрушка, очень милая и совершенно невинная. Такія гулянья обыкновенно бывали въ Маѣ, когда, по старинѣ, давались ученикамъ рекреаціи.

Покойный Митр. Платонъ былъ въ душѣ поэтъ и по собственному характеру и, кажется, по духу того времени. Тогда, въ Царствованіе Императрицы Екатерины, весь дворъ и во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ сущая поэзія и театръ. А Митрополитъ былъ законоучителемъ сперва Императора Павла, потомъ Александра. Слѣдс., наглядѣлся на все.

Сперва Митрополитъ основалъ монастырь и назвалъ его Виѣанію, кажется, потому, что воображалъ Сергіеву Лавру, отъ которой Виѣанія въ трехъ верстахъ,—Іерусалимомъ II точно, Виѣанія отъ Іерусалима находится въ подобномъ разстояніи.

Въ монастырѣ одна церковь очень замысловатая и совершенно особенная. Она кругло-овальна, имѣетъ видъ корабля, въ серединѣ, на югъ и сѣверъ прямой выступъ, что дѣлаетъ подобіе креста. За алтаремъ особая, впрочемъ соединенная съ церковью, какъ бы часовня, для ризницы: это еще болѣе уподобляетъ церковь кораблю; ибо теперь восточная часть церкви есть—носъ, а западная (которая тупѣ восточной) есть корма корабля. Но особенно примѣчательна церковь внутри. Входите: предъ вами гора, какъ бы натуральная: тутъ растутъ деревца, кустики, травка, мохъ, текутъ ручейки. тутъ и заяць въ норѣ. Налѣво на гору входъ, какъ бы натуральный: перекладины изъ сухихъ тычинокъ съ сучками (онѣ впрочемъ желѣзныя и выкрашены подъ дерево). Направо хорошая деревянная лѣстница. На горѣ главный алтарь — Преображеніе Господне. Алтарь есть сущій цилиндръ, который съ верху вѣнчается короною. На подзорахъ, надъ мѣстными образами разставлены разноцвѣтныя хрустальныя, разныхъ фигуръ, вазы: въ нихъ ставились свѣчи, иль стаканчики съ деревяннымъ масломъ; видъ дѣлало восхитительный. На мѣстныхъ образахъ Преображенія и Божіей Матери (Купятицкой — въ крестѣ) повѣшены брилліантовне кресты, вѣроятно съ клобука Митрополита. У алтря на правой стѣнѣ высокой живописи образъ Трехъ радостей, налѣво въ параллель — шитый Императрицею Марією Ѳеодоровною образъ Благословенія І. Христомъ еврейскихъ дѣтей. Картина прекрасная. Внизу два стиха: „Благословляетъ васъ Христось, птенцы незлобны; о если бы и мы могли вамъ быть подобны!“

По окончаніи горы, вровень съ площадію алтаря кругомъ церкви, хоры на столбахъ, устройство очень красивое и легкой вкусъ. Хоры направо и налѣво начинаются двумя какъ бы башенками пирамидальной фигуры; съ боковъ огромныя зеркальныя стекла—по одному въ каждой. Это прообразъ двухъ сѣней для Моисея и для Іліи (см. Матѳ. 17. 4).

Внутри горы другой алтарь: Воскрешеніе Лазаря. Для входа въ церковь сію сдѣлана дверь какъ бы вырытая изъ земли и церковь будто пещера. Направо и налѣво въ сію же гору также двери—поменьше. Справа кладовая, а стѣва могила Митрополита Платона. Это умирительно. Больше 25-ти лѣтъ онъ былъ живъ послѣ сего и смотрѣлъ на свою

могилу. Надъ могилою большая бронзовая выпуклая доска: на ней могильный крестъ и надпись, кто тутъ погребенъ.

Въ этой же пещерѣ, противъ могилы Митрополита, стоитъ гробъ, въ коемъ обрѣтены нетлѣнные мощи Преподобнаго Сергія. Гробъ совершенно крѣпкій изъ дубовыхъ досокъ. Его грызутъ богомольцы зубами. Алтарь храма праведнаго Лазаря простенькій съ выпуклостію посерединѣ. Иконы писаны на рубчатыхъ доскахъ. Рубцы вызолочены. Сей храмъ очень маленькій и низкій. Онъ теплый; здѣсь обыкновенно служатъ зимою.

На юго-западной сторонѣ монастыря—домъ Митрополичій въ два этажа: низъ каменный; верхъ деревянный. Внизу келіи: двѣ монашескихъ, кухня и прочія принадлежности. Въ верху комнаты Митрополита, онѣ не велики: зала малая и большая, гостинная: только парадныхъ комнатъ. Зала украшена богатыми портретами Императора Павла (въ юношестве), Потемкина, самаго Митрополита на 50-мъ году его жизни и проч. Малая гостинная простенькая, но большая изящная и великолѣпная. Примѣчательны: паркетъ изъ дорогихъ деревъ, мозаическіе столы, такія же картины и еще что-то. Стулья старинные въ бронзѣ, съ богатыми подушками. На юго-востокъ, въ концѣ корпуса, домовая церковь Сочествія Святаго Духа. Квадратная зала, выкрашенная густо голубцемъ. Въмѣсто карниза по стѣнамъ кругомъ большими печатными золотыми буквами написано: Истинніи поклонницы поклонятся Отцу Духомъ и Истиною и проч. Іоан. 4, 23. 24. Въмѣсто иконостаса—занавѣсъ, на которомъ съ правой стороны вышита Богородица, съ лѣвой Арх. Гавріиль. Лики написаны. Впрочемъ передъ занавѣсомъ легкій балюстрадъ деревянный, на которомъ поставлены два образа: на правой сторонѣ Спаситель, пишущій на землѣ (см. Іоан. 8, 3 сл.); на лѣвой Сочествіе Святаго Духа. Оба сіи образа въ кружкахъ за стекломъ. Изображенія съ золотомъ съ чернью. На престолѣ ковчегъ изъ яшмъ, сердоликовъ и ониксовъ, говорятъ, подаренъ французскимъ королемъ Людовикомъ XVIII. Два подсвѣчника (на престолѣ же) мраморные. Въ этой церкви бывало служивалъ о. Ректоръ по зимамъ и тутъ же мы говѣли на первой недѣлѣ поста. Ученики обыкновенно стояли въ залѣ и въ передней, кромѣ пѣвчихъ

Виванія есть мѣсто погребенія Лаврскихъ монаховъ. Подъ симъ предлогомъ и выпрошена у Императрицы Екатерины. Императоръ Павелъ, а послѣ, кажется, и Александръ были здѣсь у Митрополита и монастырь возвели во 2-й классъ. Для сего поставленъ эмблематическій памятникъ противъ спальни Митрополита. При входѣ въ комнаты Митрополита, на крыльцѣ написано: „Господь сохрани твое вхожденіе Твое и исхожденіе твое“. Это пріятно и поучительно. Спальня Митрополита маленькая, почти темная, кровать желѣзная съ навѣсомъ, вѣроятно для занавѣса. Здѣсь въ рамкахъ два письма къ нему отъ Александра и Константина Павловичей, когда они были князьями, кажется, еще въ отрочествѣ. Писаны по линейкамъ крупно. Простыя выраженія уваженія къ Митрополиту. Потолокъ въ спальнѣ зеркальный. Затѣмъ живо и, мнѣ кажется, спокойно.

Теперь о Семинаріи.

Семинарія выстроена отъ монастыря на сѣверъ саженьяхъ въ 70-ти. Планъ ея довольно фантастическій. Она имѣетъ видъ замка. Лицевая сторона на западъ, обращенная къ пруду, имѣетъ въ срединѣ аудиторію, или публичную залу въ верхнемъ и бібліотеку въ нижнемъ этажѣ. Это зданіе выходитъ на нѣсколько изъ фасада корпуса и имѣетъ овальную фигуру. Лицевой корпусъ обоими концами соединяется съ двумя корпусами на сѣверъ и югъ посредствомъ башенъ, которыя поставлены на углахъ. Сѣверный и южный корпуса также оканчиваются башнями. Остальная часть площади Семинаріи замыкается полукружіемъ, разсѣченнымъ въ срединѣ дорогою въ Семинарію. Въ сихъ полукружіяхъ направо и налѣво семинарскія службы. У входа въ Семинарію поставлены два пирамидальные столба, подобные тѣмъ, что на заставахъ. Вверху, на перемычкѣ, соединяющей сіи столбы, устроенъ какъ бы фонарь, или домикъ: тутъ повѣшенъ звонокъ.

Внутри Семинаріи и снаружи между двумя этажами устроены были деревянныя, на столбахъ хоры, крытыя тесомъ. Это служило мѣстомъ отличнымъ для прогулокъ и для сообщенія со всею семинаріею изъ каждой комнаты.

Въ бібліотекѣ семинарской до 2,000 томовъ и книги

драгоценныя. Жаль, что ихъ не читаютъ ни семинаристы, ни учителя. Первымъ не даютъ, послѣдніе лѣнятся.

Зала, или аудиторія убрана очень пріятно. По стѣнамъ ея вверху поставлено семь алебастровыхъ бюстовъ: впереди Спаситель, по сторонамъ Апостолы и Святители. Надъ ними нѣсколько изреченій изъ Св. Писанія золотыми буквами. Въ задней части залы—хоры. На нихъ поставленъ органъ—очень изрядный. На немъ обыкновенно играли въ экзаменъ священныя пѣсни.

Кромѣ того по стѣнамъ были развѣшаны въ большихъ рамкахъ программы диспутовъ, бывавшихъ при Митрополитѣ. Онѣ всѣ на атласѣ. Нѣкоторыя печатаны, а больше писаны. Каждый листъ непременно имѣетъ какую нибудь свою аллегорію, въ самыхъ затѣйливыхъ эмблемахъ. Каѳедра очень фигурна и легка; передняя часть въ видѣ выгнутого наоя, съ обѣихъ сторонъ входъ. На передней части написанъ человѣкъ: у него въ рукахъ зажигательное стекло, вверху солнце. Человѣкъ стекломъ симъ зажигаетъ полусухое дерево и оно дымится; вверху надпись: „Свѣтъ отъ свѣта“. Комнаты жилия всѣ очень простыя, даже, кажется, не штукатуренныя. Въ Семинаріи кромѣ семинаристовъ, никого не жило. Ректоръ жилъ въ монастырѣ, въ Митрополичьихъ комнатахъ. Для профессоровъ выстроенъ порядочный двухэтажный корпусокъ, близъ монастыря. Кромѣ того, послѣ Митрополита оставался еще деревянный домъ, внѣ монастыря, похожъ на господскій. Въ немъ, говорятъ, жила племянница Митрополита. И въ этомъ корпусѣ жили профессора. Тутъ же было правленіе и больница.

По выходѣ моемъ изъ Семинаріи, здѣсь выстроенъ другой огромный корпусъ, на сѣверъ отъ Семинаріи. Теперь уже здѣсь всѣ классы, тутъ живетъ и Ректоръ и прочіе. Этотъ корпусъ уже новаго простого стилия. Въ прежней семинаріи, кажется, теперь живутъ одни семинаристы.

Зимою жизнь въ Виѳаніи очень скучна. Дорога къ Семинаріи маленькая; кругомъ снѣга; народу нѣтъ: суцая пустыня. Но лѣтомъ здѣсь весьма весело. Гулянье по лѣсамъ, лугамъ, полямъ, оврагамъ,—отлично пріятное, для ученыхъ уединеній—множество мѣстъ. Птички распѣваютъ. Въ прудахъ вода для купанья. Богомольцевъ очень много, именно лучшаго класса, которые помнятъ Митр Платона и изъ

уваженія къ его памяти посѣщаютъ его заведенія и его гробницу. И къ семинаристамъ прїѣзжаютъ родные и знакомые всѣхъ сортовъ. Напр., у меня матушка бывала почти ежегодно.

Для прогулки и развлечения мы изрѣдка хаживали въ Посадъ и Лавру. Иногда семинаристы шалили, напивались пьяные; но больше хаживали для покупки бумаги и проч. и иногда помолиться въ Св. Лаврѣ.

Хаживалъ и я; и помню, какъ утѣшала меня святыня и благолѣпіе Лавры. Были и такія времена, что я утромъ рано вставши, бѣгалъ въ Лавру, чтобъ отслупить раннюю обѣдню и послѣ опять приходилъ въ Семинарію къ 8 часамъ утра. Это были блаженныя минуты благочестія. Къ сему приводили меня мои горестныя, а иногда и радостныя обстоятельства. Я былъ будто не на землѣ, когда слушалъ обѣдню въ Троицкомъ Соборѣ, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій—Преп. Сергій. Я его дважды видѣлъ во снѣ и съ утѣшеніями. Были прекрасныя времена моей юности, когда я вечеромъ, гуляя съ другомъ, велъ разговоры высоко-утѣшительныя. Моя душа нерѣдко бывала необыкновенно высока; меня слушали съ утѣшеніемъ. И горестныя мои обстоятельства я дѣлилъ съ друзьями. Вообще мои прогулки были совершенно невинныя и даже примѣчательно-значущія. Благодарю Бога, что лучшія лѣта моей юности проведены въ невинности съ утѣшеніями ума и сердца. Я учился у хорошихъ учителей и науки возвышали мою душу. Часто я восхищался ученіемъ. Сочинять любилъ и часто былъ доволенъ своею работою.

Теперь о моихъ учителяхъ и начальникахъ.

Въ словесности: 1) Иванъ Иванов. Лилеевъ. Студентъ 1-го Петербургской Академіи курса, профессоръ. Этотъ г. профессоръ примѣчательнѣе для меня всѣхъ и сдѣлалъ мнѣ больше всѣхъ добра. Онъ училъ насъ словесности по Бургію. Переводилъ, толковалъ, прибавлялъ индѣ изъ Рижскаго, изъ Лещинскаго и только. И было прекрасно. Особенно онъ много дѣлалъ намъ добра, критикуя наши экспромты, произносимыя въ классѣ; тутъ мы видѣли, что умъ и что глупость, гдѣ языкъ и гдѣ нѣтъ его.

Иногда онъ занималъ насъ переводами классическихъ латинскихъ писателей. Мы переводили рѣчи Ливія, Курція, Цицерона, плачь Овидія. Ив. Ив. великій знатокъ латинскаго языка: онъ намъ показалъ сокровище его и силу. Я ему обязанъ. Онъ отличный педагогъ. Умѣлъ кстати и поощрить, и наказать. Велъ себя отлично благородно, хотя совершенно безъ тщеславія и гордости. Былъ великій мастеръ говорить изящно, безъ изысканности.

Много споспѣшествовали нашимъ познаніямъ: 1) такъ называемыя выписки и Excerpta. Это статьи изъ книгъ русскихъ и латинскихъ, которыя мы должны каждую недѣлю выписать, а латинскую и перевести, а притомъ то и другое наизусть выучить. 2) Прокламація, т. е. произнесеніе съ кафедръ. Это было въ субботу вечеромъ. Говорили 6 учениковъ по очереди. Латинскія рѣчи и стихи переводились и переводы ихъ читались съ кафедръ. Сими упражненіями мы приобрѣтали языкъ и прокламацію. Не шутка—я въ Академіи отличался произношеніемъ проповѣдей и нынѣ, по милости Божіей, слишкомъ много имѣютъ значенія мои проповѣди. А благодарность моя—главно—Ив. Ив. Лилееву.

Ив. Ив. Лилеевъ изъ отличныхъ студентовъ Академіи (взятъ въ Академію изъ Моск. Семинаріи и родомъ Московскій). Онъ имѣлъ несчастіе въ Академіи примѣшаться къ мятежникамъ, возставшимъ на эконома Академіи; или, какъ говорятъ другіе, за какія то романическія похожденія лишень степени магистра, которой заслуживалъ, оставлень студентомъ и однако въ Виѣніи тотчасъ получилъ право профессора. Долго онъ былъ въ Виѣніи, именно, съ 1815, иль 16 по 1830 иль 31 годъ. Слѣдст., 15, иль 16 лѣтъ. Послѣ былъ вытѣсненъ отсюда глупымъ Ректоромъ. Онъ поступилъ во Владимірскую Семинарію на Словесность же. П здѣсь пробылъ 10, иль 11 лѣтъ. Нынѣ онъ себя уволилъ самъ по немощамъ. Я его видѣлъ во Владимірѣ въ 1835 г., проѣзжая въ Вятку. Онъ уже поникъ и ему тягостно было содружество съ ребятами, т. е. профессорами, которые въ 2 раза и болѣе были его моложе и глупѣе и притомъ и надмѣяны не по уму. Я ему писалъ изъ Петербурга, приглашая написать учебную книгу для Словесности; онъ отказался скромно.

2) Николай Вас. Щудкій. Товарищъ Пв. Ив. Лилеева. Ма-

гистръ, профессоръ Исторіи, изъ малороссовъ. Странный человекъ! не умѣлъ интересоваться своими уроками никого. Ходить по классу и говорить для себя. Ученики шумятъ, уроковъ не учатъ. Онъ не взыскиваетъ. Этотъ человекъ въ Семинаріи былъ даромъ: онъ былъ и секретарь. Черезъ 4 года онъ вышелъ и теперь, кажется, служить въ Петербургѣ свѣтскимъ и—плохо.

3) Трофимъ Ивановъ. Платоновъ, профессоръ Исторіи (на мѣсто Щуцкаго), магистръ 2 го Моск. Академіи курса. Человекъ съ ревностію, въ характерѣ горячъ, воспитанія мужицкаго и съ дурью. Онъ однако заставилъ насъ учиться Исторіи, и мы кое-что знали. Нынѣ онъ въ Москвѣ священникомъ. Давно овдовѣлъ. Жена его, къ несчастію, дѣвочка избалованная, воспитана на танцахъ и театрѣ и, кажется, была влюблена въ актера; вышла за нашего чудака и—умерла тоскою. Я изъ любопытства постарался быть у Троф. Ив.; былъ, видѣлъ его жену на закатѣ дней ея: она сидѣла въ креслахъ, кругомъ обложенная подушками. Чудны судьбы! Кого править и винить, право не знаю.

Въ философіи. 4) Яковъ Семеновичъ Платоновъ, магистръ 3 го курса Моск. Академіи. Онъ вступилъ въ профессію вмѣстѣ съ нашимъ вступленіемъ въ среднее отдѣленіе. Помню, вступая въ свою должность, онъ намъ говорилъ рѣчь по-латынѣ и припоминаю одну мысль и слова: *ego, ut meis defectibus descendatis*“. Профессоръ былъ очень умный: большой мастеръ толковать. Онъ меня точно познакомилъ съ философіею. Направленіе умствованія солидное. Былъ религіозенъ; ни отнюдь не касался какими-нибудь сомнѣніями, иль пререканіями истинъ священныхъ. Только удерживалъ насъ отъ неумѣстныхъ богословствованій, приговаривая: „погодите, будетъ время, когда будете богословствовать. Теперь напрягайте свой разумъ. Имъ пытайте доказывать свои мысли“. Онъ не имѣлъ пристрастія ни къ кому; уважалъ по достоинству.

Года черезъ три онъ еще въ Виѣніи женился. Взялъ дочь Московскаго священника. Я ее видалъ раза два, иль три близко, а больше издали. Говорятъ, что жена его была злая женщина и безчувственная, Бѣдняжка, Яковъ Семеновъ скоро вышелъ изъ Виѣніи, получилъ мѣсто священника въ Москвѣ въ приходѣ Ивана Вонна, что на Якиманкѣ. Былъ священ-

никомъ почтеннымъ; его любили, но онъ имѣлъ горькую страсть—пьянство. Не знаю: онъ ли вовлекъ въ тоже жену свою, или сама она была къ тому склонна, только они оба стали пить много—до позора. Тутъ пошли семейныя огорченія. Они оба умерли одинъ послѣ другого чрезъ мѣсяць, или меньше. Сперва жена, а потомъ онъ. Однако, они имѣли дѣтей двоихъ, или троихъ. Дѣти какія то корявыя, вѣроятно отъ безпорядковъ супружеской жизни и наслажденій (Этому мужьямъ и женамъ твердо помнить должно. Наслажденіями супружескими нужно пользоваться во время, съ чистымъ тѣломъ и свѣжею головою). Этотъ Яковъ Семен. родной братъ моего учителя въ Училищѣ Алексѣя Семеновича.

5) Филиппъ Филипповичъ Измайловъ магистръ 2-го курса Моск. Акад. профес. Математики. Тоже умный благородный и заботливый профессоръ. Я былъ цензоромъ на его классѣ. Особенной ласки онъ ко мнѣ не показывалъ, но видно было, что цѣнилъ мое ученіе по его классу. Былъ весьма солиденъ и терпѣливъ противъ лѣности, шума и проч. учениковъ. Изъ себя никогда не выходилъ. Пробывъ на профессіи въ Виенѣ лѣтъ 8, онъ вышелъ, уѣхалъ въ Петербургъ и нашелъ себѣ мѣсто секретаря въ Св. Синодѣ. Здѣсь служилъ лѣтъ 12 именно по осень 1840 года. Съ сего времени переведенъ въ Тифлисъ прокуроромъ Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, гдѣ находится и донынѣ. Въ Петербургѣ я съ нимъ сблизился. Я бывалъ у него нерѣдко и онъ у меня бывалъ. Отличный человекъ, но вытѣсенъ изъ Синода за то, что умѣе всѣхъ и прямъ, какъ благородный человекъ. Недавно я ему послалъ черепаховую табакерку и онъ меня благодарилъ письмомъ (въ началѣ августа 1942 года).

6) Николай Ив. Архангельскій магистръ 6-го курса С.-Петербургской Академіи, профессоръ Исторіи и Еврейскаго. Я у него немного поучился по-еврейски. Плохой учитель, довольно нетрезвъ, коваренъ и дурнаго сердца. Я его не любилъ. Онъ нынѣ гдѣ-то въ Москвѣ священникомъ.

Теперь Инспекторы: 1) Павелъ Николаевичъ Наумовъ, старшій кандидатъ 1-го Петерб. Академіи курса, профессоръ Философіи и Инспекторъ. Я у него не учился (онъ вышелъ до моего перехода въ Философію). Сказывали, что былъ не-

далекій наставникъ. Но—Инспекторъ былъ грозный и наблюдательный. Семинаристы его боялись ужасно. Какъ мальчишкѣ, я былъ имъ и ласкаемъ, но какъ преступникъ, я не разъ попадалъ его гнѣву. Однако, онъ былъ разсудителенъ: умѣлъ цѣнить и преступленіе и характеръ. Онъ меня ввелъ въ грѣхъ. Въ благодарность (кажется) за то, что онъ не наказалъ меня жестоко за мое преступленіе (я напился пьянъ до безчувствія, и онъ меня въ семь положеніи видѣлъ. И не смотря на клеветы на меня, которыми одинъ дурной мой товарищъ хотѣлъ увеличить мое преступленіе, онъ наказалъ меня только стояніями на колѣняхъ въ столовой), онъ потребовалъ себѣ отъ меня услуги, именно, чтобъ я секретно доносилъ ему: всѣ ли ходятъ профессора въ классъ, въ свое ли время приходятъ и уходятъ. Помню, какъ это ненавистное порученіе было для меня убійственно: однако, я долженъ былъ его исполнять. Впрочемъ, оттягивая болѣе и болѣе, наконецъ, я вовсе пересталъ сіе дѣлать, не безъ досады Пав. Николаевича. Вотъ только здѣсь, за всю мою жизнь, я былъ точно, ябедникъ. Но думаю, что невольный грѣхъ простится. Павелъ Ник. женился и взялъ за себя молоденькую, какъ травочку, дѣвицу. Онъ былъ ужасно ревнивъ и тѣмъ положилъ свою жену въ гробъ. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ дочекъ, которыхъ воспитывала его сестра, жена священника въ Москвѣ при Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Отъ скорби и тоски Павелъ Ник., вышедши изъ Семинаріи, уѣхалъ въ Петербургъ: тамъ гдѣ-то служилъ. Но скоро умеръ, протрудившись.

8) (1). Иеронимъ іеромонахъ, магистръ 1-го курса Моск. Академіи. Онъ сперва у насъ былъ только профессоромъ Церковной Исторіи и Греческаго, потомъ, по выbytіи Пав. Ник., сдѣлавъ и Инспекторомъ. Чудный и жалкій человекъ! Онъ порядочно зналъ свои предметы и былъ вообще не глупъ. Это *fatuus* по-латынѣ. Не умѣлъ вовсе обойтись съ семинаристами: смѣшилъ своею нетолковитостію. Напр. 1) два семинариста, родные братья, оба Извольскіе, младшій Петръ, старшій Сергій; онъ сто разъ спрашивалъ и все сбивался, называя старшаго Петромъ, а младшаго Сергѣемъ. 2) По порученію Правленія ему нужно было объявить ученику Герасиму, что онъ, какъ сынъ священника, можетъ оставаться и на полукоштѣ (онъ былъ на полномъ), особенно потому,

что, по случаю перевода изъ Училища учениковъ въ Семинарію, умножилось число бѣдныхъ. О. Іеронимъ не умѣлъ сего порученія исполнить хорошо. Онъ позвалъ ученика и, спросивъ его, на какомъ онъ содержаніи, изругалъ его: какъ онъ смѣлъ быть на полномъ коштѣ. Много и другихъ глупостей. Онъ скоро отъ насъ былъ взятъ. Его сдѣлали Ректоромъ въ Орловск. Семинаріи. Тамъ вышли странныя бѣды: Инспекторъ зарѣзался; ученики сожгли семинарію. О. Іеронима уволили отъ Ректорства. Онъ былъ просто Архимандритомъ въ монастырѣ. Однако ему опять кто-то выхлопоталъ Ректорство въ Вятской Семинаріи. Тамъ онъ былъ 6 лѣтъ. Послѣ вызванъ на чреду въ Петербургъ и тамъ скончался. (Я его по Вяткѣ преемникъ. Буду говорить еще).

9) О. Θεодотій Іеромонахъ, магистръ 6-го курса Петерб. Академіи. Онъ поступилъ на мѣсто о. Іеронима. Этотъ человекъ и съ познаніями и съ характеромъ. Жаль, имѣетъ одну слабость: жестокою вспыльчивость. Бѣда, если разгорячится, тогда готовъ на все. Это его и конфузило. По горячности однажды онъ приказалъ наказать розгами служителя. Служитель въ самомъ ли дѣлѣ, иль притворился умирающимъ; и это дѣло его сконфузило. Митрополитъ Моск. Филаретъ его не любилъ. Черезъ 6 лѣтъ онъ былъ посланъ Ректоромъ въ Уфимск. Семинарію, оттуда лѣтъ черезъ 5 въ Рязань; послѣ былъ на чредѣ и затѣмъ поставленъ Епископомъ—Викаріемъ въ Новгородъ въ 1837 году, гдѣ и находится донынѣ. Онъ меня любилъ и любитъ. Я его уважаю доселѣ. Въ Семинаріи онъ отличалъ меня отъ всѣхъ. И—не похваюсь,—онъ не ошибался.

Теперь Ректоры: 1) Никаноръ Архимандритъ Москов. Высокопетровскаго монастыря. Онъ поступилъ на Ректорство въ Виѳанію изъ Намѣстниковъ Троицкой Лавры въ 1818 г., именно въ то время, какъ я переведенъ въ Семинарію. Такого Ректора другого я не видалъ. Вотъ его отличительныя свойства: сердцемъ мягокъ и нѣженъ, оттого отлично благотворителенъ, попечителенъ по дому службы безъ лицемерства, отмѣнно правосуденъ въ разборѣ дѣлъ, умѣлъ держать себя въ попечительномъ отдаленіи отъ сослужащихъ, особенно младшихъ; умѣлъ приобрести рѣшительную важность въ Семинаріи: одно око о. Ректора уже повелѣвало всѣмъ. Я пользовался отличными его милостями, но еще

испыталь и гнѣвъ его—горькій, хоть незаслуженный. О семъ писано выше. О. Ректоръ отъ насъ позванъ въ началѣ 1826 года въ Петерб. и тамъ произведенъ во Епископа—Викарія Петербургскаго. Отсюда онъ переведенъ во Епископа въ Калугу, изъ Калуги въ Минскъ Архіепископомъ, изъ Минска въ Житомиръ. На сей 1849 г. онъ позванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

11) Платонъ, Архимандритъ того-же монастыря, магистръ I-го курса Моск. Академіи. Это былъ жалостный человекъ Ума недалекаго, но съ большими претензіями на знаніе. Характеромъ—ужасно подозрительный. Я при немъ былъ недолго съ масляницы до іюля. Онъ меня полюбилъ и отличилъ отъ всѣхъ: это было мнѣ отраднo послѣ моихъ бурь. Однако, какъ я замѣтилъ, что его благосклонность сомнительна въ томъ отношеніи, на добродѣтели ли она основана, я сталъ тяготиться его благосклонностію. Поступокъ его со мною безсовѣстный описанъ выше. Я его внутренно уничтожилъ. Однако онъ не переставалъ любить меня. Изъ Виѣннѣи онъ былъ взятъ въ Кіевскую Академію въ Ректора. Но онъ уже въ послѣдней степени имѣлъ чахотку: едва доѣхалъ до Кіева и тамъ скончался. Началъ онъ службу въ Моск. Академіи, гдѣ тотчасъ по окончаніи курса сдѣланъ былъ бакалавромъ и Инспекторомъ. Послѣдняя должность его сокрушила: онъ ее ложно понималъ. Разставлялъ свои уши для всякаго вздора, отчего всегда былъ смущенъ. Былъ слишкомъ взыскателенъ; не умѣлъ хладнокровно перенести иногда грубаго отпора отъ студента. Слишкомъ важничалъ надъ студентами и оттого вызывалъ на грубость. По смѣшному заблужденію хотѣлъ, чтобъ студенты были сущіе монахи (разумѣя подъ монашествомъ одну плаксивость и безотчетное послушаніе), оттого губилъ людей весьма достойныхъ, которые имѣли свободный характеръ. Въ Виѣннѣи его добила постройка корпуса въ Семинаріи. Тутъ столько его напрасныхъ скорбей, столько обидъ ему отъ другихъ и другимъ отъ него! Здѣсь раскрылась чахотка! Но и въ мое время онъ былъ желтъ въ лицѣ, изъ рта прескверно пахло. У него и тогда была цынготная болѣзнь. Жаль его: я его поминую.

Мое учение въ Московской Академіи.

(1826—1830 годы)

Учение въ низшемъ отдѣленіи.

(1826—1828 годы).

Въ Академію я явился очень поздно. Слѣдовало быть къ 15-му августа; я явился 29-го вечеромъ. Причиною просрочки было желаніе видѣть блестящее торжество Коронаціи Государя Николая Павловича. Я осмѣлился дожидать сіе торжество, а послѣ продлить еще нѣсколько дней для шитія какого-то платья. Я не видалъ самой Коронаціи. Объ этомъ не смѣлъ и помыслить. Москва преисполнена была людьми. Сѣхалась вся знать Россіи. Какое множество иностранцевъ должностныхъ (посланниковъ и проч.) и простыхъ посѣтителей! На день Коронаціи Кремль былъ запертъ. Я потолкался у Никольскихъ воротъ и не могъ пройти: не пустили. Я пошелъ къ Троицкимъ (кажется) воротамъ. Въ сіи ворота въѣзжала въ Кремль знать, имѣвшая право—присутствовать при Коронаціи. Здѣсь я наглядѣлся на блестящіе экипажи и на людей, особенно женщинъ, осыпанныхъ драгоценными камнями. Послѣ того, я гулялъ въ Кремлевскихъ садахъ и въ самомъ Кремлѣ, гдѣ была изумительная иллюминація. Она продолжалась три дня; Кремль весь былъ облитъ огнями. Весьма красиво иллюминированъ былъ Иванъ Великій. Онъ былъ въ разныхъ огняхъ и около главы препоясанъ огнями такъ, что какъ бы лавровые листья, или зубцы отгибались отъ столпа колокольни и дѣлали изъ нея будто корону.

Не разъ бывалъ я на разводахъ; видѣлъ Государя съ генералами. Видѣлъ посланниковъ въ фантастическихъ Гомеровскихъ костюмахъ. Видѣлъ дѣтей Государя. Насытилось око видѣніемъ.

Въ Академію пріѣхалъ я предъ всенощнымъ. Явился къ Инспектору; онъ немножко побранилъ. Далъ текстъ на разсужденіе; „законъ пѣстунъ нашъ бысть во Христа и проч.“ съ тѣмъ, чтобъ на другой день къ обѣду подать. Я пошелъ ко всенощной; послѣ легъ спать. Поутру немного написалъ и подалъ. Былъ и устный экзаменъ по Богословію, въ залѣ, вмѣстѣ съ другими. Все хорошо; я принятъ и началъ учиться.

Скучно мнѣ было, что Инспекторъ помѣстилъ меня въ проходной комнатѣ (въ № 11) и съ дурными товарищами

Это были Рязанскіе студенты: вольница. Одинъ Вятскій — пьяница и два Пермскіихъ—сущіе медвѣди. Я тяготился такимъ сообществомъ потому, что былъ вѣчный шумъ, хоть, дурачества.

Послѣ Рождества меня перевелъ однако Инспекторъ во внутреннюю сосѣдную комнату (12 №). Здѣсь я успокоился; тутъ жили Калужане и одинъ Казанскій пріемилый студентъ. Но здѣсь былъ пьяница старшій. Здѣсь я постарался сблизиться съ моими товарищами и успѣлъ, мы другъ друга любили.

25-го сент. въ день Преставленія Преподобнаго Сергія, послѣ коронаціи, Государь, по обычаю предковъ Его, пожаловалъ въ Лавру на богомолье, съ супругою, съ матерію, Михайломъ Павлов. и супругою его. Государь пріѣхалъ въ 3, иль 4 часа пополудни. Народу было множество. Встрѣчалъ Митрополитъ во Св. вратахъ съ монахами. Мы были разставлены въ двѣ линіи у баллюстрады. Государь съ правой, а Императрица съ лѣвой стороны вели подъ руки Императрицу Марію. Государь величественный, полный думъ; Государыня томная женщина; Матерь Ихъ важная и мужественная старуха. Государь съ Государыней остановились въ залахъ конференціи Академической; Марія Ѳеодоровна въ комнатахъ Митрополита. Мих. Павл. съ супругою у Намѣстника, иль у казначея. По верху нашихъ академическихъ корпусовъ размѣстились придворные; тутъ была и графиня Орлова.

Государь, въ сопровожденіи Митрополита, былъ въ Академической залѣ, въ столовой, въ библіотекѣ, и въ нѣсколькихъ комнатахъ. Говорилъ съ Митрополитомъ ласково. Государю поднесены были Митрополитомъ стихи, писанные студентами на сей день. Государь пробылъ въ Лаврѣ ровно сутки. На другой день уѣхалъ въ 3, иль 4 часа—пополудни, отстоявъ обѣдню. Послѣ сего мы уже начали ordinarily учиться и размѣстились какъ слѣдовало.

Въ низшемъ отдѣленіи я учился довольно прилежно. Увидѣвъ, что изъ товарищей моихъ, собравшихся изъ 17 семинарій, есть и умнѣе и даровитѣе меня, я увидѣлъ яснѣе свои недостатки и позаботился по возможности дополнять недостающее. Я записался на нѣмецкій языкъ: но такъ какъ я въ семинаріи ему не учился, а грамматику твердить въ

Академіи залѣнился, то и бросилъ сей языкъ. И доселѣ я его не знаю, хотя нѣсколько разъ принимался учиться. По гречески я захотѣлъ учиться; обратилъ вниманіе и точно, успѣлъ изрядно. Баккалавръ былъ умный. По математикѣ я учился безъ ревности, однако порядочно. Я хорошо зналъ ее въ Семинаріи. Психологію слушалъ, уроки писалъ и училъ, но логику бросилъ. Какой-то сонный Баккалавръ. Ничего нельзя удержать въ памяти, что говорилъ. Да и лекціи были очень не богаты.

Метафизику слушалъ со вниманіемъ, но нравственную пересталъ слушать. Профессоръ (Феодоръ Александровичъ Голубинскій) съ прекраснымъ философскимъ направленіемъ, но лѣнивъ, а оттого не твердъ въ своемъ порядкѣ, преподавалъ эклектически, безъ связи и часто вовсе не занимательно.

Исторію философіи я слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Баккалавръ былъ отличный, мастеръ преподавать. Ясно, логически, безъ дигрессій, словомъ преподавалъ мастерски. Но расширивъ слишкомъ преподаваніе и тратя бездну времени въ повтореніяхъ, онъ едва успѣлъ дойти до новой философіи, что и было бы весьма интересно. Но тутъ мы уже не слышали ничего.

По общей Словесности профессоръ просто даромъ ѣлъ хлѣбъ. То-ли лѣнился, то-ли не умѣлъ сдѣлать интереснымъ свой предметъ. Но мы его не слушали и онъ не обижался.

Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ я написалъ разсужденія четыре, иль 5. 2 изъ нихъ примѣчательны: 1) о предчувствіяхъ. Это разсужденіе заинтересовало и Баккалавра. Оно у меня въ черномъ цѣло. 2) Объ отношеніи Раціонализма Платонова къ Интеллектуализму Аристотеля. Это разсужденіе довольно пространно. Хорошо сихъ философій я не зналъ, но въ общемъ восхищался идеализмомъ Платона и уничижалъ интеллектуализмъ Аристотеля. И это разсужденіе въ чернѣ цѣло. Его профессоръ не читалъ. Не помню, какія я тогда читалъ книги. Немножко почиталъ Платона: это помню. Кажется еще Сенеку, Тацита, Горація.

Изъ низшаго отдѣленія въ высшее я перешелъ въ первомъ разрядѣ и десяткѣ. Не смотря на мои упущенія по нѣкоторымъ классамъ, нашли, что я стою того, что дали. А я, смотря ближе на сотоварищей, видѣлъ, что немного мнѣ и равныхъ, а лучше себя право, кажется, не видалъ, по

крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ. Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ умерли два студента несчастно: 1) Михаилъ (позабылъ фамилію) изъ Калужскихъ. Въ воскресенье (онъ, кажется, не былъ у обѣдни) онъ передъ обѣдомъ выпилъ водки, видно много; пошелъ обѣдать, обѣдалъ, вышелъ, пошелъ въ свою комнату, на дорогѣ упалъ и испустилъ духъ. Жалостная смерть! поучительна и удивительна! Трудно разгадать ея причины. Студентъ былъ веселый, живой, лѣтъ 20-ти. Я не видалъ его смерти; это случилось послѣ Крещенія вскорѣ. Я былъ въ Москвѣ. Приѣхалъ на похороны и поступилъ въ 12 № на его мѣсто. 2) Павелъ Семеновичъ Модестовъ, мой товарищъ присный, изъ Виѣанскихъ. Братъ Якова и Алексѣя Семенов. Миролюбовыхъ—моихъ учителей. И этотъ умеръ тоже внезапно. Былъ публичный экзаменъ; мы оканчивали (кажется) курсъ въ низшемъ отдѣленіи. Модестовъ былъ прилеженъ, уроки училъ, но, пришедши въ залу, горевалъ, опасаясь конфуза на экзаменѣ. „Я“, говорилъ онъ: „сегодня видѣлъ страшный сонъ. Такихъ не видывалъ“. Сна онъ не рассказалъ. Не знаю: спрашивали-ль его на экзаменѣ; только экзаменъ вообще проведенъ благополучно. Павелъ Сем. послѣ обѣда, кажется, подгулявши, пошелъ въ Виѣанію. Тамъ подбавилъ еще; купался на Корбухѣ и, возвращаясь въ Академію, у самага Посада, на поворотѣ къ нашей слободкѣ, упалъ и—испустилъ духъ! Мы пришли отъ всеощаго; я лежалъ на кровати. Мимо нашихъ оконъ бойко промчались дрожки. Я встрепенулся. Выбѣжали на крыльцо: и насъ поразили вѣстію, что Модестовъ скончался. Я бросился въ его комнату; онъ положенъ на кровати: будто живой. Меня объялъ ужасъ. Кровоупусканіе не дѣйствовало: изрѣзали обѣ руки, не пошло крови ни капли. На погребеніи были оба его брата и мать: посылали за ними въ Москву. Царство ему небесное! Но чуденъ былъ этотъ Павелъ Семен. Онъ бранилъ и ненавидѣлъ цѣлый міръ. Жестоко бранилъ особенно жестокосердныхъ своихъ братьевъ. Бывало, я старался умягчить его: не уговоришь. У него видно была какая-нибудь скрытная болѣзнь, иль злая ипоходрія. Онъ былъ въ тѣлѣ, и въ лицѣ свѣжъ и румянь. Я говорилъ надъ нимъ рѣчь

Въ сіе время, именно въ Генварѣ 1827 года, моя сестра Александра была выдана въ замужество за Амвросія Вас. Это меня успокоило. Я былъ на сей церемоніи и дождался

даже пока его произвели во священники. Амвросій писалъ мнѣ предъ симъ, въ Октяб. иль Нояб., что онъ едва удерживается, чтобъ отказаться отъ сестры. И ему отвѣтили то же, что и прежде, т. е., грозилъ гнѣвомъ Божиимъ. Онъ остановился и въ концѣ Ноября получилъ мѣсто. Въ первую ваканцію я былъ у него, на его мѣстѣ. Онъ былъ въ селѣ Мячковѣ—Луковѣ, Коломенскаго уѣзда, отъ Коломны верстахъ въ 10. Село прекрасное; народъ богатый; нѣсколько храмлетъ на старообрядчество, но вообще набоженъ и богатъ. Было и раскольниковъ домовъ 60; но все же оставалось православныхъ домовъ 150, иль больше. И къ нему пришелъ съ батюшкою, къ храмовому ихъ празднику Успенію. Прекрасно; мнѣ все понравилось. Священника почитаютъ. Я былъ въ одномъ домѣ крестьянскомъ. Меня окружили: начали со мною состязаться. И есть изъ нихъ не дураки. Я порадовался его житію.

Мы съ Амвросіемъ съѣздили къ 2 товарищамъ, которые по сосѣдству были священниками. 1) Павелъ Лебедевъ. Этотъ бѣдняжка взялъ за себя 40-лѣтнюю дѣвицу, обольстясь мѣстомъ и родствомъ съ Андрониковскимъ Архимандритомъ Гермогеномъ. Эта невѣста родная сестра Гермогену и наслѣдница родительскаго ихъ мѣста. Не знаю, кого здѣсь винить больше. Глупъ семинаристъ, что рѣшился взять совершенно отцвѣтшую женщину; глупа и женщина, что рѣшилась вытти за человѣка, котораго она почти вдвое старше; глупѣ ихъ всѣхъ— братъ, что содѣйствовалъ такому неравному браку. Послѣдствія вышли, какихъ надо было ждать. Лебедевъ сталъ пить и волочиться за молоденькими; жена его съ досады тоже пьянствуетъ. И домъ ихъ—сущяя темница. Я весьма пожалѣлъ ихъ. (Былъ у сего Лебедева я и въ другой разъ, года черезъ 3. Мои опасенія вполнѣ оправдались. Онъ уже безъ стыда имѣлъ молоденькихъ и пилъ. Жена его тоже стала пьяница. Дѣтей у нихъ нѣтъ). 2) Никаноръ Покровскій. Этотъ счастливъ. Жена его молоденькая, какъ травочка, премилая собою, не капризная, умница. Тутъ я пришелъ въ другую досаду. Мнѣ было жаль, что такой милый цвѣточекъ сорванъ такимъ чудачкомъ. И точно, этотъ Покровскій, при умѣ очень недалекомъ, какой то взбалмошный (говоря по-московски), опрометчивый, пусто-смѣхъ, мужикъ, чувствованій низкихъ и горѣлку тянеть

крѣпко. И собою—какая то бѣловолосая кукла. Эта миленькая женщина крѣпко меня полюбила. Даже готова была уступить мнѣ частицу своихъ брачныхъ восторговъ. И не смѣлъ (уже я замыслилъ о монашествѣ!). Но впрочемъ, отъ сихъ сценъ, и отъ разгоряченія воображенія винными парами, мое сердце закипѣло; я зарыдалъ, рыданіе усилилось до того, что я сталъ изнемогать. Впрочемъ, меня уклали, я уснулъ и окрѣпъ. Кажется, ту женщину зовутъ Марья Платоновна. Отъ Амвросія Вас. я отправился домой съ батюшкою и сестрою Марьею, которая тутъ гостила доселѣ. При разставаньи я горько плакалъ и самъ не знаю, о чемъ. Мнѣ видно было, что Амвр. не будетъ хорошо жить съ сестрою (это скоро и оправдалось). И насъ онъ принялъ довольно холодно. Но, кажется, при наполненной винными парами головѣ и малыя досады дѣлаются большими. И плакалъ отъ досадъ.

Тутъ я видѣлъ два ужасныхъ зрѣлища: 1) одинъ мужикъ опился. Мы ходили смотрѣть. Лежитъ черный, какъ котелъ. Дочь замужняя упала, подходя къ нему, и начала бѣситься. 2) Женщину сѣкли кнутомъ, за покушеніе отравить пасынка. Женщина лѣтъ 30; ей дано только 3 удара, однако она къ вечеру умерла. Ужасная сцена! отъ перваго удара у нея подкатился весь животъ къ груди; два послѣдніе удара были, уже такъ сказать, по животу. Каждый разъ въ ту жъ минуту багровѣлъ и дѣлался чернымъ. Ужасная сцена!

Этотъ мой Амвр. Вас., проживъ въ селѣ Мячковѣ немного побольше года, въ Великомъ постѣ пріѣхалъ ко мнѣ, умолялъ меня, чтобъ я согласился на выходъ его изъ сего села, для перехода въ другое, по его рѣчамъ, несравненно лучшее село. Сколь ни странно показалось мнѣ его желаніе, сколь я его не убѣждалъ оставить такія затѣи, грозя и гнѣвомъ Божиимъ и прогнѣваніемъ Митрополита (ибо что можно было представить въ резонъ для перехода изъ прежняго прекраснаго села?): Амвросій только просилъ, чтобъ я написалъ отъ него просьбу Митрополиту. Я написалъ и не въ формѣ бумаги, а въ видѣ письма. Оно написано съ чувствомъ и видво сильно. Помню, въ оправданіе малодушія просителя, я воспользовался тѣмъ, что Св. Григорій Богословъ отказался отъ Архіерейства въ плохомъ городѣ Куманяхъ, куда его хотѣлъ произвести св. Василій Великій. Паче чаянія,

наша просьба возымѣла дѣйствіе. Отказано 30-ти; Амвросію дано просимое мѣсто, гдѣ онъ и находится до нынѣ.

Но его Богъ посѣтилъ великими скорбями на семь мѣствъ, безъ сомнѣнія, въ наказаніе за его строитивость, гордость и маловѣріе (по крайней мѣрѣ я такъ думаю). Первая бѣда: открылись жестокія сомнѣнія въ разсужденіи вѣрности его къ женѣ. Въ томъ селѣ оставалась прежняя попадья вдова, женщина еще молодая. Я не знаю, правъ, или виноватъ Амвросій. Но это несчастіе едва не положило во гробъ его жену, мою матушку и помрачило жестоко его самого. Онъ получилъ испуги. Вторая бѣда: его вѣчныя ссоры и съ со-сѣднимъ духовенствомъ и въ духовномъ правленіи и со своимъ причтомъ и съ прихожанами. Это жалостный человекъ. Не разъ я принимался его убѣждать. Не внемлетъ; даже однажды обезчестилъ и меня самого самымъ пасквильнымъ письмомъ. Ужасно жаль его, но мудро помоць (2 сент. 1842 г. Одесскій монастырь).

Первые два года въ Академіи мною прожиты безпечально. Занимался кое-чѣмъ по учености, но больше лѣнился, тяготясь жизнію воспитательною. Хотѣлось дѣйствовать. Жду не дождусь окончанія курса. На окончательномъ экзаменѣ былъ Митрополитъ. Я жестоко сканфузился; вотъ почему. Экзаменъ былъ два дня. Меня спросили въ 1-й день по Метафизикѣ. Кое-какъ я отвѣтилъ, однако, не худо. На другой день я пришелъ только посмотреть на экзаменъ. Полагалъ, что не буду спрошенъ (такъ увѣряли меня и Баккалавры). Случилось не такъ. Меня (съ 2-мя другими) спросили 1-го—изъ Исторіи Философіи. Надобно было отвѣчать объ Анаксагорѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ. У меня не прочитано. Помню, что одинъ полагалъ за начало вещей—воду, другой—воздухъ, третій что-то еще. Надобно было отвѣчать связано и послѣдовательно, при томъ по латынѣ. Я не могъ сказать ничего. Митрополитъ подивился, подумалъ, что я испугался; не бранилъ: отпустилъ. Но мнѣ было и стыдно, и досадно остаться дуракомъ. Надобно было еще отвѣчать по Физикѣ. Спасъ Богъ. Не дошла череда. И тутъ опять бы я переконфузился. Статья была объ электричествѣ. Я не видалъ опытовъ, слѣдовательно, опять сталъ бы въ пень.

(Окончаніе слѣдуетъ)